

Глава 10

ЛЕНИН: “ЗАТРАВИТЬ, НО В ФОРМАХ АРХИВЕЖЛИВЫХ”

До последних дней жизни питал Ленин надежды на мировую революцию. Известно, что особую роль отводил он Германии, о чем написано немало. В этом же разделе книги, исходя из неизвестных ранее архивных документов, рассматриваются планы Ленина по революционизации Англии. Как ни парадоксально, но глава советского правительства серьезно надеялся на коммунистический переворот в островном государстве с многовековыми парламентскими традициями.

В октябре 1918 года вождь наказывал представителю Советской России в Швейцарии Я. Берзину: “...не жалейте миллионов на нелегальные связи с Францией и агитацию среди французов и англичан”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.25671). Через несколько дней он советовал тому же адресату привлечь левых социалистов из разных стран: “Из них назначьте агентов, платите и за поездки и за работу архищедро. На официальщину начхать: минимум внимания. На издания и нелегальные поездки максимум внимания...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.27149). Так представлял себе тогда дипломатическую деятельность глава Советского правительства.

Самую значительную часть своей короткой речи при открытии Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала 2 марта 1919 г. Ленин посвятил Англии. “Диктатура пролетариата! — до сих пор эти слова были для масс латынью, — утверждал вождь. — Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все

современные языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами. Она стала понятной широким массам рабочих благодаря Советской власти в России, благодаря спартаковцам в Германии и аналогичным организациям в других странах, как, например, Shop Stewards Committees (“Комитеты фабричных старост” — *А.Л.*) в Англии”. И далее: “Сегодня, например, я читал в одной антисоциалистической газете телеграфное сообщение о том, что английское правительство приняло Бирмингемский Совет рабочих депутатов и высказало готовность признать Советы, как экономические организации. Советская система победила не только в отсталой России, но и в наиболее развитой стране Европы — в Германии, а также и в самой старой капиталистической стране — в Англии.

Пусть буржуазия еще свирепствует, пусть она еще убивает тысячи рабочих — победа за нами, победа всемирной коммунистической революции обеспечена” (37; 489-490).

Неужели вождь сам верил в эти бредни — будто в Англии к тому времени победила Советская система? Но он ведь и в неопубликованной по сей день речи в петроградском “Народном доме” 13 марта 1919 г. заявлял:

“Рабочие массы и Парижа, и Лондона, и Нью-Йорка перевели слово “советы” на свои языки... Победа обеспечена за нами полная, потому что империалисты других стран подогнулись, рабочие уже выходят из состояния угара и обмана. Советская власть уже завоевала себе победу в сознании рабочих всего мира... Мы еще раз говорим себе и вам с полной уверенностью, что победа обеспечена за нами в мировом масштабе... Мы скоро увидим рождение всемирной федеративной советской республики...” (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.8885).

А вот выдержка из неопубликованного выступления Ленина на заседании Исполкома Коминтерна 17 июля 1921 г.: “Победе коммунизма во Франции, Англии и в Германии можно помешать только глупостями”. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.1, д.19320).

Писатель-фантаст Герберт Уэллс свидетельствовал, что в ходе беседы с ним 6 октября 1920 г. вождь “вел тему”: “Почему в Англии не начинается социальная революция? Почему вы ничего не делаете, чтобы подготовить ее? Почему вы

не уничтожаете капитализм и не создаете коммунистическое государство?”

Естественно, что писатель противопоставлял ленинской свою “тему”: “Как вы представляете себе будущую Россию? Какое государство вы стремитесь построить?” Помимо общего интереса к положению в России, Уэллс хотел знать — какую же форму развития “кремлевский мечтатель” предполагает перенести на английскую почву? Его вывод состоял в том, что “Ленин с откровенностью, которая порой ошеломляет его последователей, рассеял недавно последние иллюзии насчет того, что русская революция означает что-либо иное, чем вступление в эпоху непрерывных исканий. Те, кто взял на себя гигантский труд уничтожения капитализма, должны сознавать, что им придется пробовать один метод действия за другим, пока, наконец, они не найдут тот, который наиболее соответствует их целям и задачам, — писал он недавно”.

Впрочем, в одной из своих последних работ, продиктованных в начале 1923 года, вождь отметил с предельной откровенностью: “Помнится, Наполеон писал: “On s’engage et puis ...on voit”. В вольном русском переводе это значит: “Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет”. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития (с точки зрения мировой истории это, несомненно, детали), как Брестский мир или НЭП и т.п.” (45; 381).

К моменту беседы с Уэллсом ленинский эксперимент уже стоил народам России миллионов жертв. Да, поистине правы были и германский “железный канцлер” Бисмарк, заявивший за несколько десятилетий до октябрьского переворота, что пытаться строить социализм можно лишь в стране, которую не жалко, и великий экспериментатор академик И.Павлов, признававший, что для коммунистических экспериментов он пожалел бы даже лягушку.

Деятельность лейбористской партии (“лабуристов”, по определению вождя) в 1914-1920 годы Ленин оценивал крайне негативно, как “грязную пену”, которую “сметут быстро волны революции” (31, 93). Как и подобные им правооппортунистические партии, “лабуристы”, как считал Ленин, “в Англии заключали в 1914-1918 и в 1918-1920 годах компромиссы с

бандитами своей собственной, а иногда и “союзной” буржуазии **против** революционного пролетариата своей страны... поступали как **соучастники бандитизма**” (41; 20).

Затем вождь изменил свою позицию. Думаю, что слово “непорядочность” стало наиболее подходяще для определения ленинских форм и методов воздействия на потенциальных союзников — английские тред-юнионы, лейбористскую партию. Вождь был откровенен в пропаганде этих методов. Например, в “Детской болезни “левизны” в коммунизме” он наказывал английским коммунистам “пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу” (41; 38).

Ниже — впервые опубликованные мной полные тексты документов из ленинского “секретного” фонда (“Затравить, но в формах архивежливых”, “Российское время”, № 1, 1993 г.). Первый документ — обращение на бланке наркома иностранных дел к вождю, написанное после 6 апреля 1920 г.:

“Многоуважаемый Владимир Ильич!

Скоро появится внезапно у нашей границы делегация Тред-юнионов, которую надо будет принять очень любезно. Там будут головы первостепенного круподиского (?) калибра. Необходимо политическая подготовка их посещения. Это сложное дело, требующее времени и внимания. Нужно кому-нибудь поручить специально этим заняться.

С коммунистическим приветом.

Георгий Чичерин”.

В ответном письме Ленина отношение к впервые приезжающей в Советскую Россию официальной рабочей делегации было выражено однозначно: “организовать травлю”, “затравить”:

“Тов. Чичерин! Я вношу в ЦК такое предложение завтра. Ваше мнение? Ленин”.

“Предлагаю Цека такое решение секретное: по сути, вкратце: организовать травлю и затравить, но в формах архивежливых.

1) Для приема вождей тр[ед]-юнионов создать к[омис]сию в составе Радека, Мельничанского, Файберга + еще 2 бывших в Англии и Америке + Чичерин.

2) Заседание К[омис]сии.

a) наладить печатание (хотя бы в 20-50 экз.) английских листовок к "гостям".

b) наладить надежных переводчиков, кои по очереди должны быть неотлучно при "гостях".

c) организовать кампанию в советской печати (краткие, в 5-10 строк, статьи, сплошь разоблачающие гостей, к[а]к социал-предателей, меньшевиков, участников англ[ийского] колониального грабежа и пр.).

d) ту же кампанию вести на митингах рабочих в форме приглашения гостей на доклады и задавания им "вопросов". Звать их на сотни фабрик в СПб и Москве.

e) в центре всей кампании (в газетах (написано над зачеркнутым "в прессе" — А.Л.), в листках, в митингах) поставить именно разоблачение гостей, к[а]к меньшевиков, ч[то]бы подорвать вес их неизбежного выступления в Англии с меньшевистскими речами".

Получив ленинское письмо, Чичерин связался с секретарем Исполкома Коминтерна Карлом Радеком — и в результате телефонных переговоров с Лениным родился следующий документ, хранящийся в одной папке с ленинским письмом:

"Кампания дискредитации не должна относиться ко всем гостям. Наоборот, нужно разделить их левые и правые элементы, с тем, чтобы первые опровергали вторых.

Кампания дискредитации должна явно исходить снизу и не быть явно инспирированной нами.

Поэтому в печати надо ограничиться спокойными, объективными, фактическими сообщениями о гостях, которые послужат материалом для кампании дискредитации.

Последняя должна вестись из низов, путем посылки делегаций рабочих с отпечатанными наказами, которые будут передаваемы гостям, и путем вопросов на собраниях. Вообще, листки и другие издания для гостей должны быть рассчитаны на то, чтобы их привезли и распространяли в Англии.

Кроме кампании дискредитации надо вести политическую подготовку в виде издания отчетов комиссариатов и подготовки всего, подлежащего осмотру тред-юнионистов". (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2с, д.270).

Следует отметить, что тактика “архивежливой травли” вообще высоко ценилась вождем. Конечно, он был, как правило, сторонником свирепой бескомпромиссной расправы над любым оппонентом, не говоря уже о противнике. Например, когда М. Горький перед первой мировой войной высказал вождю подозрение в недобросовестности директора-распорядителя петербургского книгоиздательства “Знание” К. Пятницкого, то Ленин взорвался. И дал советы пролетарскому писателю: “Насчет Пятницкого я за суд. Церемониться нечего. Сентиментальничать было бы непостижительно... **Пятницкого надо засудить и без никаких.** Ежели Вам будут за сие упреки — наплюйте в харю упрекающим” (48; 162).

Но если возможностей для расправы не было — приходилось идти на компромиссы. Например, 24 апреля 1919 г. Ленин направил члену Реввоенсовета Южного фронта Г. Сокольникову телеграмму, в которой приказал: “Во что бы то ни стало надо быстро ликвидировать, и до конца, восстание” казачества. И далее: “Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно. Нельзя ли обещать амнистию и этой ценой разоружить полностью? Отвечайте тотчас” (50; 289-290). Характерно, что в тот же день Ленин направил телеграмму в Киев: “Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков” (50; 290). Большевики не раз обещали амнистию, как это было, например, по отношению к врангелевцам в Крыму, но затем нещадно уничтожали поверивших им амнистированных.

А вот не вошедший в “полное” собрание сочинений запрос вождя на имя одного из руководителей эстонских большевиков Я. Анвельта от 22 февраля 1918 г.: “как чувствуют себя многоуважаемые бароны, что с ними стало?” и “что, по-вашему, должен предпринять Совет Народных Комиссаров по отношению к баронам для того, чтобы продемонстрировать этакую внешнюю доброту, причем демонстрация эта ни в коем случае не должна ослаблять силу репрессий против баронов???” (Лен.сб. XXXVII, стр.70).

Что же касается подготовки к приезду в Советскую Россию английской рабочей делегации, то, как видим, Чиче-

рин и Радек в противовес вождю смягчили позицию большевиков и Ленину так и не удалось завязать столь любимую им “драчку”.

Официальная хроника — 19 или 20 апреля 1920 г. Ленин обсудил с Чичериным вопрос о приеме делегации английских тред-юнионов, дал ряд рекомендаций по организации встречи. Через день или два он познакомился с письмом Чичерина о ходе подготовки к приему делегации. Вопрос о приеме делегации специально рассматривался на заседаниях политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля и 14, 15 и 18 мая. 18 мая вопрос о порядке подачи материалов и отчетов для делегации английских тред-юнионов и лейбористов по их просьбе рассматривался под председательством Ленина на заседании Совнаркома.

А 25 мая политбюро ЦК РКП(б) обсудило вопрос о поездке английской делегации тред-юнионов и лейбористов по Волге.

Уже после возвращения делегации на родину политбюро ЦК РКП(б) обсуждает вопрос о собирании в Англии материалов, касающихся выступлений вернувшейся из России на родину английской делегации.

Английская делегация прибыла в Петроград 12 мая 1920 г. Плохо увязывается с первоначальным планом “затравить” ее заявление Ленина на одной из рабоче-крестьянских конференций в Москве: “Вчера в Питер прибыла делегация английских тред-юнионов, среди которых мало кто сочувствует нам, но мы уверены, что по возвращении домой они будут лучшими агитаторами в нашу пользу” (41; 121).

15 мая, накануне переезда делегации в Москву, Ленин направил указание наркоматам:

“В Народном комиссариате внутренних дел для приема английской делегации приготовлены диаграммы работ Комиссариата, краткие цифровые отчеты и имеется английский переводчик для дачи объяснений. Если в других комиссариатах не приняты меры, предлагаю срочно принять меры. Относительно напечатания кратких цифровых отчетов снести с Воровским” (51; 197).

Через три дня Совнарком по докладу заместителя наркома внутренних дел М.Владимирского “О порядке дачи отчетов английской делегации в случае ее обращения в

комиссариат” принял постановление: “Письменные отчеты должны выдаваться за подписью наркома, причем ответы на вопросы, поставленные делегацией в их вопроснике, должны быть направлены, по возможности, переведенные уже на английский язык в Наркомвнудел, тов. Владимирскому. Тов.Владимирскому поручается снести с комиссией тов.Радека о необходимости издания брошюры на английском языке, излагающей историю образования Советской власти и отношений к Советской власти других политических партий”.

А за несколько дней до этого Ленин провел беседу с С.Лозовским, назначенным представителем ВЦСПС по приему английской делегации, перед его поездкой в Петроград для ее встречи. На следующий день после прибытия делегации Ленин по телефону расспросил находившегося в Петрограде С.Лозовского о ее составе, о том, насколько искренне члены делегации относятся к преобразованиям в Советской России.

Затем вождь внимательно изучает стенограмму приветственной речи Лозовского перед делегацией, делает надписи “(К встрече английской делегации V.1920)”, “**В архив**”. Ленинская надпись “Нет. Не надо” стоит на записке заместителя наркома финансов С.Чуцкаева с запросом о возможности ознакомления английской делегации с хранилищем ценностей Наркомфина. Награбленные ценности скрывались от постороннего глаза.

17 мая Ленину приходится заниматься жалобой Радека на управляющего делами Совнаркома В.Бонч-Бруевича, не обеспечившего машину для встречающих делегацию в Москве.

В честь делегации были организованы многочисленные митинги, устроено торжественное собрание в Большом театре, проведен парад войск Московского гарнизона. Члены делегации участвовали в субботниках, объехали ряд городов Поволжья, даже выезжали на фронт.

Пребыванием английской делегации воспользовались и меньшевистские лидеры, которые также организовали для делегации три митинга, из которых наиболее значительным был митинг Союза печатников 25 мая 1920 г. На этом митинге перед английской делегацией выступил даже находив-

шийся на нелегальном положении лидер партии эсеров Виктор Чернов. Большевики передали английской делегации ряд меморандумов, раскрывающих карательную деятельность большевистских властей в стране. ВЧК незамедлительно арестовала организаторов этих встреч, Союз печатников был распущен.

Английские гости были настолько очарованы приемом, что после встречи с Лениным глава делегации направил ему поштенное письмо, в котором подчеркивал: “Мне хочется выразить Вам и Советской республике России сердечную признательность за оказанные мне доброту и гостеприимство... Я был бы очень рад, с Вашего разрешения, передать Ваше приветствие пролетариату нашей страны на конференции английской рабочей партии. Ваша решительная и научно-обоснованная попытка создать рабочую республику является чудесным примером для всех. Я уверен, что вы добьетесь успеха в этом. От всего сердца желаю Вам добиться успеха в создании нового социалистического государства”. А Ленин написал знаменитое “Письмо к английским рабочим”, в котором рассматривал позицию “защиты отечества” английских рабочих лидеров как измену, прикрываемую “сентиментально-мещанскими, реформистскими и пацифистскими фразами о мирной эволюции, о конституционных методах, о демократии и проч.” (41; 125). Можно представить изумление членов делегации по поводу следующих ленинских объяснений: “Некоторые члены вашей делегации с удивлением спрашивали меня о красном терроре, об отсутствии свободы печати в России, свободы собраний, о преследовании нами меньшевиков и большевистских рабочих и т.д. Я отвечал, что настоящие виновники террора — империалисты Англии и их “союзники”...” (41;127).

Члены делегации просили доказательств того, что Англия оказывала военную помощь Польше и Врангелю в Крыму — на что глава Советского правительства ответил, “что для получения секретных договоров английского правительства надо революционно свергнуть его и захватить в свои руки все документы его иностранной политики, как это сделали мы в 1917 г.” (41; 125).

Можно напомнить, что Ленин в статье “Над кем смеетесь? Над собой смеетесь”, разоблачая Временное правитель-

ство в приверженности и верности тайным договорам, утверждал, что “искренность в политике есть вполне доступное проверке соответствие между словом и делом” (32; 259). В то же время в своей записке Чичерину 20 июля 1920 г. вождь предлагал установить тайно особые отношения с Ирландской республикой: “...Или можно тайный договор с Ирландской республикой (пожалуй следует условие: взаимоинформация, помощь курьерами, изданиями, по возможности оружием, связями), через Ирландскую республику — связь с коммунистами ирландскими”... (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.344). “Двойной стандарт” — так двумя словами можно определить сущность всей политики Ленина.

Наконец, впервые опубликована стенограмма выступления Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. Здесь вождь провозгласил: “Оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной...” И рассказал в этом контексте о реакции членов английской рабочей делегации на его заявление: “Когда у меня была английская рабочая делегация, и я говорил с ней, что всякий порядочный английский рабочий должен желать поражения английского правительства, то они меня совершенно не поняли. Они состроили такие лица, которые, я думаю, не может схватить даже самая лучшая фотография. В их головы совершенно не вмещалась та истина, что в интересах международной революции английские рабочие должны желать поражения своего правительства”.

После поражения Красной Армии под Варшавой Чичерин предложил Ленину идею — создать из английских рабочих “добровольческие отряды” для оказания помощи Красной Армии. В ответной записке вождь дал согласие на осуществление этого плана, который, естественно, так и не был реализован. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.391).

Вообще Ленин почти всегда в те же годы ставил целью при переговорах с иностранными делегациями — добиться успеха в советизации их страны.

Один из наиболее опытных советских дипломатов А. Иоффе свидетельствовал: “Помню, как перед самым подписанием одного договора... В.И. мне прислал записку: “Ес-

ли договор гарантирует советизацию (данного государства), согласен на его подписание; если нет — не согласен”.

В невошедшем в “полное” собрание сочинений интервью английской газете “Манчестер Гардиан” 20 августа 1919 г. Ленин отмечал, “что самое главное, что он должен сказать, — это то, что советская система — самая лучшая система и что английские рабочие и труженики-земледельцы восприняли бы ее, если бы с ней ознакомились”. Он выразил надежду, “что после заключения мира английское правительство не будет препятствовать опубликованию текста Советской Конституции”. “...Морально, — утверждал он, — советская система победила уже даже сейчас и... доказательством правильности этого утверждения являются обращения на советскую литературу в свободных демократических странах”. (Лен.сб. XXXVII, стр.167).

Особенность подхода Ильича к социал-демократам, в том числе английским — обманывать, максимально обманывать их — подтверждается многочисленными свидетельствами. Так, ставший впоследствии известным философом, логиком, математиком Бертран Рассел приезжал в Советскую Россию вместе с английской рабочей делегацией и рассказал, что в беседе с ним Ленин признал, что шансов на революцию в Англии мало, но если с помощью коммунистов к власти придет лейбористская партия и особенно если премьер-министром станет Артур Гендерсон, то рабочие поймут бесперспективность парламентской системы. Когда же Рассел предположил, что английское общество может обойтись без кровопролития, то Ленин назвал такое предположение фантастическим. Вывод Рассела после беседы с вождем об обстановке в Англии: “У меня сложилось впечатление, что тут у него мало знаний и психологического чутья”.

Один из основателей Коммунистической партии Великобритании Уильям Пол цитирует совет Ленина: “Коммунистическая партия в каждом избирательном округе, где выставлен лейбористский кандидат, выпустит официальное обращение, призывающее рабочих голосовать за лейбористскую партию для того, чтобы доказать, что гендерсоны, то-масы, макдональды и сноудены не могут с помощью парламентской машины решить те многочисленные проблемы, которые стоят перед обществом”. (Лен. сб. XXXVII, стр.250).

Для разложения изнутри лейбористской партии вождь даже призывал английских коммунистов войти в её состав, посвятив этому на II конгрессе Коминтерна 6 августа 1920 г. специальную “Речь о вхождении в Британскую рабочую партию” (41; 260-267).

Только в 1995 году “Исторический архив” впервые опубликовал письмо Ленина Карлу Радеку от 28 октября 1922 г. Спустя полтора месяца вождь после тяжелого приступа навсегда покинет свой рабочий кабинет в Кремле.

Во второй части письма Ленин дал конкретные указания к английским парламентским выборам:

“В Англии, по-моему, теперь решающий бой, **выборы**. Надо, по-моему, максимально быстро всех англичан, едущих сюда, вернуть назад. Наладить так: 12 часов в России и лети назад. Архиглупо сидеть здесь хоть 1 лишний час, когда там выборы.

Условиться в эти 12 часов о тактике:

- 1) за lab[our] party (лейбористскую партию — А.Л.);
- 2) полная свобода языка (кандидат **архимерзавец**; поэтому я за него, масса научится);
- 3) полная свобода агитации;
- 4) листки для массы в таком духе, **краткие, веселые, архидешевые**;
- 5) сколько будет стоить наша помощь?
- 6) **все** члены нашей партии мобилизуются: ходи по домам, **весь день** на улицах и т.д. и т.д.

Прошу всех приезжих англичан посылать [ко] мне. Позвоните мне. Ваш Ленин”.

Итак, ленинское заключение: “В Англии... теперь решающий бой, выборы”, на которых коммунисты должны показать “полную свободу языка”, при рекламировании архимерзавцев — лейбористов, которые, победив на выборах, покажут свою полную непригодность и откроют дорогу коммунистам.

Через два года после посещения Советской России английской делегацией состоялась Генуэзская конференция, участием в которой большевики вышли на международную арену. Ленин делал вид, что заинтересован в успешном проведении конференции. В то же время он тайно инструктировал Чичерина, что нужно сделать все, чтобы ее сорвать, причем руками английских лейбористов:

“Архисекретно. Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы, конечно. Обдумайте это с Литвиновым и Иоффе и сообщите мне. Конечно, писать этого нельзя даже в секретных бумагах. Верните мне свое, я сожгу. Заем мы получим лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы. Например, дура Гендерсон и К° очень помогут нам, если мы их умненько подтолкнем...”

Ваш Ленин. (ЦПА ИМЛ, ф.2, оп.2, д.1119).

Чичерин возражал вождю: “...нам до зарезу, ультра-настоятельно нужна помощь Запада: заем, концессии, экономическое соглашение... А если это так, нужно не расплестись, а договориться... Вы несомненно ошибаетесь, если думаете, что получим заем без Генуи, если расплюемся с Англией... Если мы будем в Генуе бить стекла, они шарахнутся прочь от нас...”

Впрочем, вождь и до начала Генуэзской конференции рассматривал ее как повод для “драчки”. Так, 25 февраля 1922 г. Ленин писал Чичерину: “Прочитав, кроме телеграмм, передовицы сегодняшних газет, я прихожу к выводу, что ноту по поводу отсрочки Генуэзской конференции без указания срока следует составить в самом наглom и издевательском тоне, так, чтобы в Генуе почувствовали пощечину. Очевидно, что действительное впечатление можно произвести только сверхнаглостью... Нельзя упускать случая, когда мы можем посредством наглой и издевательской ноты помочь выиграть то, что все пацифистские элементы буржуазии будут по всем мире усилены” (54; 183).

Не следует думать, что Ленин вдруг пересмотрел свою неизменно негативную оценку пацифизма. В эти же дни он разъяснил Чичерину, что пацифистов он намерен использовать “для разложения врага, буржуазии” (54; 171).